

Тиха украинская ночь.
 Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
 Своей дремоты превозмочь
 Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
 Сребристыхъ тополей листы.
 Луна спокойно съ высоты
 Надъ Бѣлой Церковью сіяетъ
 И пышныхъ гетмановъ сады
 И старый замокъ озаряетъ.
 И тихо, тихо все кругомъ;
 Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
 Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
 Въ глубокомъ, тяжкомъ размысленнѣ,
 Окованъ Кочубей сидитъ
 И мрачно на небо глядитъ.
 Завтра казнѣ. Но безъ боязни
 Онъ мыслить объ ужасной казни;
 О жизни не жалѣетъ онъ:
 Что смерть ему? желанный сонъ.
 Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
 Дрема долить. Но, Боже правый!
 Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
 Какъ безсловесное созданье!
 Паремъ быть отдану во власть
 Врагу царя на поруганье!
 Утратить жизнь—и съ нею честь,
 Друзей съ собой на плаху вестъ,
 Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
 Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
 Врага веселый встрѣтить взоръ
 И смерти кинуться въ объятъя,
 Не завѣщая никому
 Вражды къ злодѣю своему!..
 И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
 Обычный кругъ семьи, друзей,
 Минувшихъ дней богатство, славу,
 И пѣсни дочери своей.
 И старый домъ, гдѣ онъ родился,
 Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
 И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
 Что добровольно бросилъ онъ,
 И для чего?

Отвѣтъ Кочубея Орлику на вопросъ послѣд-
 няго о зарытыхъ кладахъ былъ расхвалень
 даже присяжными хулителями «Полтавы», и
 потому мы не говоримъ о немъ. Кочубея
 пытають, а Мазепа въ это время сидитъ у
 ногъ спящей дочери мученика и думаетъ:

Ахъ вижу я: кому судьбою
 Волненья жизни суждены,
 Тотъ стой одинъ передъ грозой,
 Не призывай къ себѣ жены:
 Въ одну телѣгу впрячь не можно
 Коня и трепетную лань.
 Забылся я неосторожно:
 Теперь плачу безумства дань.

Въ тоскѣ страшныхъ угрызений совѣсти зло-
 дѣй сходить въ садъ, чтобъ освѣжить пы-
 лающую кровь свою, — и обаятельная рос-
 кошь лѣтней малороссійской ночи, въ кон-
 трастѣ съ мрачными душевными муками Ма-
 зепы, блещетъ и сверкаетъ какой-то страш-
 но-фантастической красотой:

Тиха украинская ночь.
 Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
 Своей дремоты превозмочь
 Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
 Сребристыхъ тополей листы.
 Но мрачны странныя мечты
 Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,

Какъ обвинительныя очи,
 За нимъ насмѣшливо глядѣть,
 И тополи, стѣснившись въ рядъ,
 Качая тихо головою,
 Какъ судьи, шепчутъ межъ собою,
 И лѣтней теплой ночи тьма
 Душна, какъ черная тюрьма.
 Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ
 Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.—
 То былъ ли сонъ воображенья,
 Иль плачъ совы, иль звѣря вой.
 Иль пытки стонъ, иль звукъ иной—
 Но только своего волненья
 Преодолѣть не могъ старикъ,
 И на протяжный слабый крикъ
 Другимъ отвѣтствовалъ— тѣмъ крикомъ,
 Которымъ онъ въ веселы дикомъ
 Поля сраженья оглашалъ,
 Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
 И— съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ
 Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Скажите: какъ, какимъ языкомъ хвалить
 такія черты и отрывки высокаго художе-
 ства? Правду говорятъ, что хвалить мудре-
 нѣе, чѣмъ бранить! Чтобъ быть достойнымъ
 критикомъ такихъ стиховъ, надо самому быть
 поэтомъ—и еще какимъ! И потому мы, въ
 сознаніи нашего безсилія, скажемъ убогой
 прозой, что если эта картина мученій со-
 вѣсти Мазепы можетъ подозрительному уму
 показаться нѣсколько мелодраматической вы-
 ходкой (по той причинѣ, что Мазепѣ, какъ
 закоренѣлому злодѣю, такъ же было не къ
 лицу содрогаться отъ воплей терзаемой имъ
 жертвы, какъ и краснѣть, подобно юношѣ,
 отъ привѣта красоты),—то мастерство, съ
 которымъ выражены эти мученія, выше вся-
 кихъ похвалъ и утомляетъ собой всякое
 удивленіе. Сцена между женой Кочубея и
 ея дочерью замѣчательно хороша по роли,
 какую играетъ въ ней Марія. Вопросъ изу-
 мленной, еще неочнувшейся отъ сна женщи-
 ны, которая почти понимаетъ и въ то же
 время страшится понять ужасный смыслъ
 внезапнаго явленія матери, этотъ вопросъ:
 «Какой отецъ? какая казнѣ?», равно какъ
 и всѣ вопросительныя и восклицательныя
 отвѣты, — исполнены драматизма. Картина
 казни Кочубея и Искры отличается просто-
 той и спокойствіемъ, которая въ соединеніи
 съ ея страшной вѣрностью дѣйствительности
 производила бы на душу читателя невыно-
 симое, подавляющее впечатлѣніе, если бъ твор-
 ческое вдохновеніе поэта не ознаменовало
 ея печатью изящества. Этотъ палачъ, кото-
 рый, гуляя и веселяся на роковомъ помостѣ,
 алчно ждетъ жертвы и то, играючи, беретъ
 въ бѣлыя руки тяжелый топоръ, то шутитъ
 съ веселой чернью,—и этотъ безпечный на-
 родъ, который по совершеніи казни идетъ
 домой, толкуя межъ собой про свои вѣчныя
 работы: какая глубоко истинная, хотя въ то
 же время и безотраднo тяжелая мысль во
 всемъ этомъ!